

Джозеф и Линда Эймс Николоси «Предотвращение гомосексуальности. Руководство для родителей».

Глава 9. Процесс исцеления

Отцы, обнимайте своих сыновей;

Если этого не сделаете вы,

то однажды это сделает другой мужчина.

А. Дин Бёрд, доктор философии, психолог

«Если я как отец чему-то и научился, - сказал клиент, которого мы назовем Гордон, - так это тому, что все дети разные». Он опустился в кресло в моем кабинете, и в его взгляде читалась печальная покорность.

Успешный финансовый аналитик, Гордон был отцом четырех сыновей. «Когда мы с Глорией поженились, то дождаться не могли, когда же у нас будет настоящая большая семья, - рассказывал он, — У меня были не лучшие отношения с отцом, поэтому я очень хотел семейного тепла».

У этой пары один за другим родилось три мальчика, каждый из которых обожал своего папу. А затем появился «Джимми».

Глория, сидящая на стуле напротив мужа, взглянула на меня с грустью и тревогой. «К тому моменту как я была беременна Джимми, - тихо промолвила она, - я ужасно хотела девочку. Джимми должен был стать нашим последним ребенком. Когда он родился, я была разочарована до слез».

Вероятно, Джимми и его мать бессознательно сделали все, чтобы справиться с этим разочарованием, поскольку к восьми годам Джимми стал лучшим маминым другом. Заботливый и мягкий мальчик, проявляющий способности к игре на фортепиано, Джимми был из тех детей, что легко настраиваются на волну другого человека и с полуслова понимают его мысли и чувства. К тому возрасту он мог читать материнские настроения как книгу, но не имел ни одного друга своих лет. Он уже демонстрировал многие признаки предгомосексуального поведения. С недавнего времени Глорию стали беспокоить растущая социальная изоляция и депрессия мальчика. Старшие мальчики, напротив, были всем довольны и хорошо адаптировались.

Гендерные проблемы Джимми впервые стали заметны несколькими годами раньше, когда он начал примерять бабушкины серьги и пробовать ее косметику. Особенной притягательностью в глазах мальчика обладали золотые и серебряные заколки Глории, и он стал отлично разбираться в женской одежде, — все это еще до того, как он пошел в школу. В тот момент ему было всего четыре года.

«Я обращался с Джимми точно так же, как и с остальными сыновьями, - сказал Гордон, - и понимаю, что это не сработало, потому что он всегда воспринимал мои замечания неверно. Он выходил из комнаты и пару дней отказывался со мной разговаривать».

Став постарше, Джимми начал выказывать и многие другие тревожные симптомы: незрелость, слишком пылкое воображение, которое заменяло ему реальное общение, и высокомерное презрение к спортивным старшим братьям и их друзьям, которых те приводили в гости. Гордон вспоминал, что остальные сыновья всегда выскакивали встретить его, когда он приходил с работы, но не Джимми, который всегда держался так, будто отец для него пустое место.

В настоящий момент наибольшую тревогу вызывало неумеренное фантазирование Джимми. Он жил в придуманном мире, часами просиживая в своей комнате и рисуя персонажей мультфильмов. Глория наблюдала и другую нездоровую тенденцию — каждый раз, испытывая разочарование, Джимми принимался копировать особенности

женского поведения. Когда кто-нибудь из друзей брата приходил к ним в гости, дразнил или высмеивал его, он начинал вести себя преувеличенно женственно.

В итоге Глория и Гордон решили что-то предпринять, чтобы помочь сыну. И они воплощали свое решение столь активно, что **после** первого месяца семейного вмешательства один из старших мальчиков, Тони, начал жаловаться, что о нем совсем позабыли. Для меня это было знаком того, что родители усердно следовали моим рекомендациям. В этот момент я предложил Глории и Гордону объяснить Тони, что вся семья должна объединиться и помочь Джимми, который «забывает, как быть мальчиком». После этого, несмотря на резкий старт, Тони тоже начал помогать брату.

Гордон сознавал, что младший сын уже давно начал отдаляться от него. «Детство Джимми совпало с трудным периодом в моей жизни. Наш брак трещал по швам, на работе — большие неприятности. Мне кажется, я просто не хотел забивать себе голову еще и тем, как найти общий язык с этим ребенком, ведь у него совсем непростой характер: он дулся и топал прочь в свою комнату всякий раз, когда я говорил что-то, что он воспринимал как критику».

Другие мальчики, напротив, всегда рвались поиграть с отцом и искали его внимания. «Я просто позволил Джимми хотеть не быть со мной, — признал Гордон. — Должен сознаться, я рассуждал тогда так: что ж, раз ему не хочется со мной общаться, это его проблемы».

«В таком случае, — объяснил я, — мы будем делать прямо противоположное тому, что делали раньше. Это означает, что вам, Гордон, нужно постараться привлечь к себе Джимми. А вам, Глория, потребуется научиться “отходить в сторону”. Вся семья должна действовать сообща, напоминая Джимми, что быть мальчиком — это здорово».

Моя стратегия лечения Джимми предполагала, что Гордон будет подбадривать сына, уделять ему особое внимание, брать мальчика с собой по делам, вовлекать его в контактные физические игры. Я стараюсь подсказать отцам многочисленные возможности для этого, — например, во время заправки автомобиля позволить сыну держать насос. Эти маленькие шаги важны для формирования связи мальчика с миром мужчин, что является фундаментом крепких отношений отца и сына.

Иногда Гордон звал Джимми помочь в работе по саду или приготовлении шашлыка. Гордон взял за правило быть дома во время еженедельных уроков Джимми по фортепиано и ходить на все его выступления. Он брал мальчика на спортивные выходы с его старшими братьями, надеясь перебороть привычку Джимми к изоляции и его неприязнь к братьям.

Вначале Джимми явно противился инициативам отца. Например, он недвусмысленно отверг приглашение поехать с отцом в офис. Но, по мере того, как его отношения с отцом становились более теплыми, Джимми начал вести себя более по-мальчишески и в школе его стали меньше дразнить. Я одобрил решение родителей Джимми записать его в секцию, где предполагалось командное участие, но при этом не было соревновательности и преобладали мальчики. Мать Джимми, Глория, специально попросила вожатого, юношу-студента, уделять Джимми больше мужского внимания, в котором тот нуждался.

Такие мальчики, как Джимми, должны понять, что родители поддерживают и подбадривают их, а не просто осуждают или критикуют. Например, однажды, когда Джимми был восемь, он взял мягкую игрушку, панду, с собой в школу. Глория заглянула на детскую площадку в обеденное время и увидела, что ее сын играет в полном одиночестве с пандой и беседует с ней. На следующий день, с подачи Глории, Гордон поговорил с сыном и сказал: «Джимми, мальчики твоего возраста не берут в школу мягкие игрушки. Но я принес тебе кое-что взамен». Он вручил Джимми «Game Boy», карманную компьютерную игру, которую мальчик взял с собой на следующий день. К его удивлению, одноклассники обступили его с просьбами дать им поиграть, и, конечно, Джимми был принят в компанию, ведь игрушка была его.

В результате последовательных действий родителей поведение Джимми, не соответствующее его полу, постепенно уменьшалось. Это касалось не только женственности, но и изоляции от сверстников, общей незрелости, страхов и неприязни к мальчикам. Гордон сказал мне: «Когда Джимми игнорирует меня и ведет себя так, словно я ему не нужен, должен признать: это удар по моему эго и я испытываю желание развернуться и уйти. Намного легче плыть по течению и принять статус-кво. Но затем я вспоминаю, что отношение Джимми ко мне — лишь защита. На самом деле, за маской безразличия и презрения скрывается желание общаться со мной. Так что я отбрасываю свои чувства и продолжаю пробиваться к нему. Я выпустил инициативу из рук, когда Джимми был младше, но теперь не позволю сыну так легко от меня отделаться».

Непростая задача утверждения мужественности

Как мы видели, детская гендерная дисфория в действительности является бегством от вызова, связанного с возмужанием. Согласно данным многих исследований гендерное расстройство также связано с другими проблемами, которые (как в случае Джимми) включают отвержение мальчиком отца, социальную изоляцию и компенсацию через фантазию. Успешная терапия помогает мальчику найти путь в мире, который естественно разделен на мужчин и женщин. С помощью двух самых важных взрослых в его жизни, матери и отца, мальчик с расстройством полоролевой идентичности может отказаться от тайных андрогинных фантазий и обнаружить, что лучше жить в мире с четкими границами пола.

Как родитель, вы должны убедиться, что ваше вмешательство — с помощью терапевта или самостоятельное — является ненавязчивым и действительно поддерживающим, и при этом оно явно. Препятствуя нежелательному кросс-гендерному поведению, родители должны быть уверены в том, что ребенок чувствует, что его признают как уникальную личность. Не следует ожидать, что ваш ребенок станет типичным мальчиком или девочкой с типичными для своего пола интересами. Некоторые особенности могут присутствовать, и они вполне нормальны. Но в то же самое время «здоровая андрогинность» может базироваться только на прочном фундаменте уверенности в собственном поле.

Важно всегда выслушивать ребенка с неизменным уважением. Не принуждайте его участвовать в том, что он ненавидит. Не заставляйте его соответствовать роли, которая пугает его. Не стыдите за женственность. Процесс изменений происходит постепенно, через ряд шагов, которые сопровождаются любящей поддержкой. Попытки пристыдить могут дать отрицательный эффект.

Алекс, гомосексуал, проходивший у меня терапию, так рассказывает об этом:

Однажды, когда мне было пять лет, я получил в подарок набор парфюмерии, множество небольших флаконов с различными духами в коробке с ячейками. Мне они казались потрясающими, и я повсюду таскал их с собой. Я не забыл прихватить их, и когда мы с папой пошли в гости к родственникам. Полагаю, я был от них в восторге, потому что решил показать их своей тетке Маргарите. Она же смерила меня взглядом и сказала что-то вроде: «Зачем тебе духи? Ты что — девчонка?» Ну, я расплакался. Она, должно быть, почувствовала себя виноватой, потому что бросилась успокаивать меня.

Не знаю почему, но я все еще помню этот случай. Это увлечение духами быстро прошло, но из-за этого я переживал смешанные чувства.

Если ваш сын еще совсем маленький, полезно лишний раз указать ему на факты его собственной биологии, особенно, что он обладает членом, и это здоровое и нормальное явление, часть его. Отец должен быть активно вовлечен в этот образовательный процесс. Многие отцы обнаруживают, что хороший повод для таких

бесед предоставляет совместное мытье с сыновьями. Отцы должны подчеркнуть, что анатомия делает мальчика «таким же, как все мальчики». Указание на то, что он имеет *мужские* гениталии (которые маленький предгомосексуальный мальчик, скорее всего, подсознательно стремится отрицать) успешно развеет любые фантазии женственного или андрогинного характера. Мужское тело — реальность, бесспорная часть его, доказывающая его мужественность и недвусмысленно отличающая его от мамы. Это символ его сходства с папой.

Душ с отцом

Совместный душ с папой — хорошее средство усилить идентификацию мальчика с отцом и мужественностью отца, так же как с его собственной мужской анатомией.

Доктор Джордж Рекерс, выдающийся специалист по детскому РГИ, дает детальные рекомендации, как сделать такой опыт позитивным: «Отцы не должны реагировать резко или отрицательно, если сын, находясь в душе с отцом, задает вопросы о поле или сексуальной анатомии. На любые подобные вопросы нужно отвечать положительно, с естественной заинтересованностью, подавать информацию соответственно уровню развития сына, подбадривая и впредь в любое время обращаться с такими важными вопросами»¹.

Отцам следует также усвоить: вполне нормально, если сын рассматривает половые органы отца или спонтанно дотрагивается до них. В подобных случаях отец должен избегать смущения или шока, не реагировать негативно, резко или как-то наказывать сына. Вместо этого отец должен сказать мальчику, что он будет выглядеть так же, когда станет подростком.

Если сын коснется гениталий отца, чаще всего, его любопытство будет удовлетворено, и он прекратит эти прикосновения. Сын вряд ли будет трогать его часто, если вообще к этому вернется. Но даже если сын настойчиво продолжает касаться пениса отца (что маловероятно), доктор Рекерс советует отцу переключить внимание сына, сказав, например: «А теперь возьми мочалку и хорошенько вымой за ушами, смотри, чтобы они были чистыми», — не высказывая напрямую запрета.

Если сын неоднократно касается гениталий отца каждый раз, когда они принимают вместе душ, доктор Рекерс советует отцу сказать: «Я не возражаю, чтобы ты смотрел на мой пенис, я ведь твой папа. Зная, на что похож пенис взрослого человека, то можешь представить, как твое тело будет выглядеть в будущем. Но теперь, когда ты его потрогал, я должен предупредить тебя. Мы, мужчины, не трогаем пенисы друг друга, за исключением нескольких случаев. Например, когда доктор осматривает пациента; или родители купают малыша; когда нужно проверить, нуждается ли мальчик в медицинской помощи, если он жалуется на боль или зуд в гениталиях». Кроме того, отец должен объяснить, что трогать собственный пенис можно, только если этого не видят другие.

Доктор Рекерс описывает трагический случай, который травмировал маленького мальчика и спровоцировал кросс-гендерное поведение. Отец вышел из душа, а маленький сын, движимый любопытством и очарованный его видом, коснулся пениса отца. Отец немедленно отшлепал мальчика, резко накричал на него и назвал «извращенцем». С того времени мальчик стал проявлять кросс-гендерное поведение. Принимая ванну, он заталкивал пенис между ног, чтобы быть похожим на девочку, и говорил матери, что ему жаль, что у него есть член.

Однако, если опыт совместного душа отца и сына проведен тактично, говорит Рекерс, «мальчик будет более подготовлен к совместному душу с другими мужчинами в раздевалке в школе, а потом и в студенческом общежитии».

Помимо совместного душа с маленькими сыновьями, я также советую отцам регулярно вступать в агрессивный физический контакт с мальчиками. Отцы могут также помочь, поощряя агрессивное поведение и физические выражения агрессии. Это помогает противостоять робкой роли «пай-мальчика», которую часто играет мальчик с гендерными

проблемами. Борьба, возня, «поколачивание папы» — через все это мальчик открывает свою физическую силу и вступает в контакт с этим пугающим и таинственным мужчиной.

Важность прикосновений

Мои взрослые гомосексуальные клиенты, все без исключения, описывают болезненное отсутствие — почти боль, — от отсутствия физического контакта с отцом. Ричард Уайлер описывает, как это лишение прикосновений приводит к постоянному чувству депривации* :

Для человека западной культуры предельно ясно: настоящие мужчины не касаются друг друга. К сожалению, это табу часто переносится на отцов и сыновей, даже совсем маленьких, на братьев и близких друзей. Мужчины в нашей культуре боятся показаться гомосексуальными или «превратиться» в гомосексуалистов, обнимая другого мужчину или прикасаясь к нему.

Но это порождает как раз то, чего все боятся: многие мальчишки, оказавшись лишенными физического контакта, растут, мечтая об объятиях. Если потребность в объятиях и прикосновениях не восполнена в детстве, она не уходит лишь потому, что мальчик превращается в мужчину. Она была настолько важной и так долго отрицалась, что некоторые из нас искали секса с женщиной, хотя на самом деле, нам были нужны всего лишь объятия. Мы просто не представляли, как еще получить несексуальное прикосновение, которого так жаждали.

Без этого нормального контакта молодой человек оказывается уязвимым перед неприемлемыми или насильственными отношениями.

Уайлер продолжает:

Не удивительно, что многие из нас с раннего детства были вовлечены в дисфункциональные или нездоровые отношения. Стоило нам найти что-то, похожее на любовь и одобрение, как мы цеплялись за это, не думая о последствиях.

Иногда другие мужчины использовали нас для сексуального удовольствия или мы использовали их, чтобы почувствовать себя близкими и любимыми.

Помните историю олимпийского пловца Грэга Луганиса, рассказанную в третьей главе? Он был одиноким мальчиком, которого не понимали и дразнили одноклассники и который был отчужден от отца. Неудивительно, что Луганис оказался эмоционально уязвим перед вниманием старшего мужчины, которого он встретил на пляже. Он «тянулся к близости и объятиям больше, чем к сексу». Он «изголодался по любви».

Одна из важных задач, стоящая перед родителями, состоит в том, чтобы поощрять ребенка на естественное выражение своих подлинных мыслей и чувств. Поскольку, как мы увидели, мальчик с проблемами часто боится взросления и ответственности, сопряженной с мужской ролью, поощряйте его говорить о своих тревогах и делиться своими представлениями о половой роли.

Приведем пример. «Шон» был женоподобным семилетним мальчиком, и его отец принял решение: «Мы не будем говорить о проблеме Шона; мы просто будем любить его и одобрять». Такой подход хорош для начала, но этого недостаточно. Родители должны изыскать возможности разъяснить ему различия между мужественностью и женственностью. Такие вопросы, как: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», «На кого ты бы хотел быть похожим, когда вырастешь?» — удобный повод для исправления искаженных в фантазии представлений, для оказания поддержки.

* депривация — ощущение недостатка, возникающее вследствие длительного лишения чего-либо

Вам, родителям, необходимо постепенно заменять игрушки, игры и предметы одежды, которые питают кросс-гендерные фантазии вашего сына. Некоторые матери говорят мне, что они тайком выбрасывают определенные вещи. Понимая их огорчение и потребность действовать второпях, я предлагаю более открытый подход. Вы можете уговорить мальчика участвовать в передаче этих вещей с его разрешения знакомым маленьким девочкам. Некоторые родители даже устраивают ритуал избавления от женских игрушек, упаковывая их, чтобы потом отдать девочке по соседству или двоюродной сестре. «Прощальная церемония» может быть полезна, если ребенок еще совсем маленький. Возьмите коробку, сложите туда куклы, запечатайте ее и скажите «До свидания!», одновременно признавая, как трудно мальчику отдать эти игрушки. Объясните ему: «Теперь папа отнесет их маленькой девочке по соседству, у которой нет ни одной куклы Барби».

Важно, чтобы ваш ребенок мог прочувствовать и выразить печаль и утрату. Возможно, труднее всего будет сочувственно выслушать его страдания и довести избавление от этих вещей до конца.

«Прощальная церемония» может быть трудной, но не должна быть травмирующей. И ваше решение провести ее должно быть не импульсивным, а хорошо продуманным. Готов ли мальчик отдать эти вещи? Возможно, для этого он нуждается лишь в небольшом толчке? Или церемония заставит его почувствовать себя преданным и разгневанным? Если так, то время для столь драматических шагов еще не наступило.

Насколько активным будет вмешательство, зависит от реакции вашего ребенка. Если он становится замкнутым, угнетенным, сердитым, расстроенным или нервным, то это знак, что вы слишком форсируете события. Одна пара энтузиастов надеялась «исправить» мальчика за одну неделю. В результате ребенок стал беспокойным и нервным. Драматические, отрицательные перемены в настроении мальчика показали, что ему не дали времени приспособиться к новым ожиданиям родителей.

Некоторые родители впадают в противоположную крайность: они медлят даже с наиболее очевидными и здравыми изменениями. По большей части, подобные колебания вызваны путаницей современных культурных установок, и, как уже говорилось, противоречивыми советами педиатров. Такие родители ждут разрешения специалиста, прежде чем сказать мальчику мягко, но четко: «Бобби, больше никаких девчоночьих вещей. Ты уже слишком взрослый, чтобы вести себя как девочка». Они говорят, что боятся обсуждать проблемы с сыном, чтобы не ранить его чувства.

Однако самым эффективным оказывается вмешательство, когда родители действуют сообща, доводя до сознания ребенка нежное, но совместное и неизменное сообщение: «Ты не такой, ты — мальчик». Этот стиль терапии предполагает нежность, заботу, любовь и исключает внезапность; однако при этом все ясно и однозначно. Очень важно, чтобы родители были едины и последовательны, потому что только такой подход приносит самые эффективные и устойчивые результаты.

Одна мать очень хорошо это сформулировала: «Преодоление женственного поведения похоже на выращивание роз. Это требует не столько усилий, сколько постоянного внимания». Первый шаг к выздоровлению — признать наличие у ребенка проблем и принять решение вместе их преодолевать. Второй шаг ставит ребенка перед фактом, что родители намерены ему помочь и что меняться необходимо. Как только ребенок понимает, что оба родителя объединились и больше не намерены попускать кросс-гендерное поведение, он начнет приспосабливаться. Некоторый дискомфорт от таких требований, часто неожиданных, вполне предсказуем.

Стадии процесса

По опыту своей работы с мальчиками с гендерным расстройством и их родителями, могу сказать, что можно выделить четыре стадии развития изменений: (1) сопротивление, (2) внешнее послушание, (3) скрытое сопротивление, и (4) союз родителей и ребенка.

Если ваш сын проявляет очевидное кросс-гендерное поведение, эти стадии послужат общей схемой, помогающей вам искать пути к выздоровлению. Конечно, как и все схемы, объясняющие сложное явление, эти стадии иногда перекрывают друг друга; ребенок может вернуться на предыдущую стадию прежде, чем он перейдет к следующей. Однако эти этапы могут служить в качестве общих указаний.

Стадия 1: Сопротивление. Сталкиваясь с новыми ограничениями, ребенок может выражать гнев, обиду и бунт. Он осознает, что мама с папой больше не позволят ему женского поведения и фантазий, которые прежде дарили радость и покой. Как только он понимает, что не сможет наслаждаться выдуманном образом себя, он может отвернуться от вас и эмоционально. Гендерно несответствующие мальчики особо чувствительны к критике и требованиям. Постарайтесь быть не слишком критичны и требовательны.

Вы можете говорить сыну примерно следующее: «Знаешь, тебе повезло, что ты мальчик». Подчеркивайте, — даже преувеличивайте, — различия между девочками и мальчиками. Подкрепляйте его пробуждающуюся мужскую идентичность, задавая такие вопросы, как: «На какой девочке ты собираешься жениться, когда станешь большим?», «Каким папой ты будешь, когда вырастешь?» Будьте изобретательны в поиске возможностей подчеркнуть гендерные различия.

Стадия 2: Внешнее послушание. В большинстве случаев родители вскоре замечают, что сын идет им навстречу, — по крайней мере, так кажется на первый взгляд. Часто перемены настолько разительны, что они спрашивают себя: «Он и впрямь изменился или просто пытается заслужить похвалу?» Желая угодить вам, ребенок может просто имитировать изменение в соответствии с вашими пожеланиями. Фактически первые изменения чаще представляют собой простое поведенческое приспособление без подлинного внутреннего преобразования. Но, по прошествии долгого времени, если вы с ним достаточно эмоционально близки, это поведение станет частью его самовосприятия. Поскольку вы, родители, являетесь самыми важными людьми в его мире, он должен будет неохотно, но неизбежно расставаться со своими кросс-гендерными фантазиями.

Стадия 3: Скрытое сопротивление. Вы можете быть восхищены тем, как быстро ваш сын реагирует на ваше вмешательство. Однако существует вероятность возвращения тайного женственного поведения, которое быстро разочарует вас и заставит думать, что все усилия бесполезны. Чтобы избавить родителей от расстройства и уныния, я советую им заранее ожидать таких моментов и не удивляться этому.

Вот образец такого двойственного отношения. Кажется, что ваш пятилетний сын меняется, но однажды он снова хватается за куклу или даже начинает сосать большой палец. Вы говорите: «Милый, разве мы не говорили об этом?» «А?» — отзывается он. «Сынок, — отвечаете вы мягко, но решительно, — мы же уже говорили о том, что такое быть мальчиком, и о том, что взрослые мальчики не играют с куклами. Так что пойдя, убери куклу, и давай найдем тебе другую игрушку». Вы должны быть готовы к тому, что мальчик будет делать два шага вперед и шаг назад. Родителям стоит помнить, что ничто во вселенной не движется по кратчайшей прямой, в том числе и выздоровление сына.

Вы заметите, что чаще всего ваш сын возвращается к феминному поведению после ударов по самолюбию. Один отец замечает: «Когда мой сын плохо себя чувствует, то ведет себя женственно». Когда ребенок чувствует себя счастливым и жизнерадостным, встречает одобрение других людей, то будет избегать регресса. Также мы должны быть готовы к регрессивному поведению, когда мальчик утомлен, болеет, переживает стресс, какое-то разочарование или отвержение. Женственность — самоуспокоительная реакция на стресс.

После такого регресса, родители выражают беспокойство, что сын «просто убождает нас» или «старается порадовать нас, потому что он знает, что это важно для нас». Они хотят знать, действительно ли их сын внутренне меняется. Укоренение в поле — это много больше, чем изменение поведения, оно требует сдвига в восприятии.

Семья должна трезво оценить мужские образцы для подражания мальчика. Если отец остается отрицательной моделью, — особенно, если относится к матери мальчика пренебрежительно или оскорбляет ее, — у ребенка может бессознательно сформироваться восприятие, что отождествление с мужским полом опасно. В таком случае мальчик нуждается в броне феминного поведения для защиты и никакие поведенческие изменения не могут быть усвоены. Мы должны понимать, насколько трудна для мальчика эта борьба. В нем происходит внутренний конфликт. Как сказал один мальчик, «внутри меня две половинки, которые воюют друг с другом».

Стадия 4: рабочий союз. Нет ничего приятнее для родителей, чем увидеть, что сын идет навстречу. Когда сын смотрел по телевизору мультфильм с женскими персонажами, мать «Арона», маленького мальчика с гендерным расстройством, получила редкую возможность понаблюдать за его внутренним конфликтом:

Я видела, что Арону хотелось слиться с этой героиней. Прежде он танцевал бы по комнате как балерина.

Рядом лежали фигурки от игрушечного набора и несколько машинок. Я видела, что он пробовал оторвать взгляд от телевизора и собрать одну из фигур. Он пробовал удержаться от искушения вообразить себя этой героиней. Мое сердце обливалось кровью, потому что я прекрасно понимала его чувства.

В фазе сотрудничества, он не только будет идти вам навстречу, но и говорить о своей внутренней борьбе. Одна пара сообщила, что их маленький мальчик поверял им: «Так трудно расти». Помните, что для детей рост создает конфликт, потому что это означает встречать вызов быть мальчиком. И остановка в развитии сохраняет привлекательность, потому что обеспечивает комфорт женской или андрогинной роли и очень тесных отношений с матерью, помогает укрыться от требований мужского мира. Другой мальчик сказал с очевидным расстройством: «я пробую забыть о них», имея в виду коллекцию кукол Барби, которые он отдал. Его мать сказала мне: «Теперь он хочет измениться, хотя я вижу, что у него это отнимает много сил».

Роль психотерапевта

Поскольку родители сильно сопереживают ребенку, им часто трудно самостоятельно систематически проводить в жизнь необходимые изменения. При малейшей возможности я настоятельно рекомендую найти хорошего психотерапевта для помощи.

Профессиональный психотерапевт, разделяющий ваши ценности и цели, во-первых, подскажет дальнейшие шаги, а во-вторых, укажет на те пробелы, которые вы можете допускать как люди и как родители. Так, психотерапевт может заметить, что ваше общение с ребенком не дает необходимого эффекта. Он может увидеть, что ваш сын никогда не говорит о своих усилиях и конфликтах, а только внешне выполняет ваши просьбы. Он может указать, как мать и отец передают различные, а, возможно, даже противоречивые и запутывающие сообщения о поле.

Для коррекции детского гендерного расстройства очень важно единство родителей. Самые устойчивые изменения возможны при постоянной заинтересованности обоих родителей. Если этим занимается только один родитель, шансы на положительный результат гораздо ниже. Помните, нет такой вещи, как «нейтральный» член родительской команды. Незаинтересованный родитель воспринимается ребенком как негласное разрешение остаться женственным и как отрицание позиции другого родителя. Традиционная психоаналитическая терапия предгомосексуального состояния фокусировалась на работе с ребенком, наблюдаемым одним психотерапевтом. Родители не участвовали в сессиях, которые проводились с ребенком от двух до пяти раз в неделю на протяжении многих лет. Такой терапевтический метод был очень дорог, а уровень

успеха оставлял желать лучшего. Эффективнее, если психотерапевт на регулярной основе работает с родителями, а не с ребенком. После нескольких еженедельных сессий врач должен встречаться с родителями только для необходимых консультаций и контроля за успехами мальчика (примерно раз в месяц). Обычно встреча с ребенком требуется психотерапевту только для начальной диагностики и затем периодически во время лечения. Я часто обнаруживал, что моя профессиональная поддержка и совет только подкрепляют интуитивное знание родителей. Сердце подсказывает им, что с ребенком не все в порядке, но они нуждаются в разрешении вмешаться. Большинство матерей хорошо знает, что отец мальчика должен был быть более вовлечен в процесс и что его отстраненность увеличивает трудности их сына.

Но, как мы уже говорили в предыдущей главе, родители часто теряются перед противоречивыми сообщениями СМИ и специалистов по детскому развитию. Такие родители нуждаются в информированном враче, который поддержит *их* цели, а не идею, что пол несуществен. Врач должен подготовить ребенка к жизни в гендерном мире, помогая снизить вероятность гомосексуального развития.

Безусловная любовь

Одна из самых важных обязанностей терапевта — помочь родителям выражать неодобрение феминным *поведением*, не ругая *ребенка*. Врач помогает родителям учиться доносить до мальчика, что феминное поведение недопустимо, и нежно, но твердо противостоять такому поведению. Но в то же время мальчик не должен воспринимать родительские требования как критику в свой адрес или как отвержение.

Работая с проблемами сына (или дочери), вы можете услышать, что здоровый человек не ограничен узкой версией пола. Вам скажут, что личность должна включать как мужские, так и женские черты. Это популярное представление идет, в частности, от работ аналитика Карла Густава Юнга, современника Фрейда. Юнг полагал, что взросление требует интеграции черт противоположного пола. Действительно, в утверждении, что в процессе роста мы объединяем противоположные сексуальные эмоциональные особенности, есть доля истины. Но это может быть достигнуто только после прочного отождествления себя со своим биологическим полом. Такая интеграция никогда не должна ставить под угрозу достижение необходимой гендерной идентичности.

Распространенное ложное истолкование этого принципа видно в родительском умилении гендерными отклонениями своих детей. Некоторые «продвинутые» матери говорят, что их восхищает вид сына в платье или с куклой на руках, и что они не видят никакой проблемы в категорическом отказе дочери носить платье. Но это — серьезная ошибка. Глупо поощрять сына усваивать женские качества прежде, чем он освоился с мужской идентичностью или поддерживать отказ дочери от женских вещей.

Оценка успешности

Успешная терапия гендерного расстройства должна снизить кросс-гендерное поведение и укрепить здоровую идентичность, улучшить отношения с ровесниками, и, в конечном счете, снизить уровень стресса в жизни ребенка. Цель терапии состоит в том, чтобы уменьшить ощущение мальчика, что он отличается от других мальчиков и в чем-то хуже них. Это увеличивает шансы на развитие нормальной гетеросексуальной ориентации. Для проверки ваших достижений обратите внимание на следующие показатели успеха:

1. *Уменьшение женственности.* Родители наблюдают отход от поведения, послужившего причиной беспокойства. Мы должны видеть меньше потворства девичьих занятиям и повадкам.

2. *Рост уверенности в себе.* Родители видят, что сын чувствует себя увереннее и гордится тем, что справился с трудной задачей. Родители замечают, что их ребенок более уверен в себе.

3. *Большая зрелость.* Родители описывают ребенка как более счастливого, более уверенного в себе и более естественного. Одна мать, подбирая слова, объясняла это так: «Он кажется более... настоящим». Мальчик становится менее застенчивым, смущающимся и сосредоточенным на себе. Он будет демонстрировать лучшую способность к эмоциональному контакту и адекватную реакцию на других людей.

4. *Снижение тревожности или депрессии.* Исследователи обнаружили связь между детской феминностью и повышенным уровнем беспокойства или депрессии². По мере разрешения конфликта гендерной идентичности родители отмечают, что сын менее возбужден и неуверен, меньше переживает о мелочах. Все большее ощущение сходства с другими мальчиками уменьшает признаки беспокойства и депрессии.

5. *Рост популярности среди мальчиков.* По наблюдениям, мальчики, проявляющие в своем поведении черты «настоящего мальчишки», более популярны, а те, кто менее мужественен, — менее. (У девочек связь между поведением и популярностью менее выражена). У мужественных мальчиков чаще, чем у феминных, складываются хорошие дружеские отношения с ребятами. Мальчики, страдающие проблемами гендерной идентичности, часто становятся жертвами чрезвычайной жестокости со стороны ровесников своего пола. Феминные мальчики, насколько позволяет судить мой клинический опыт, также чаще становятся жертвами сексуальных домогательств со стороны педофилов, которые знают, что отверженный сверстниками мальчик лишен внимания и поэтому представляет собой легкую добычу.

6. *Снижение поведенческих проблем.* Большинство предгомосексуальных мальчиков — послушные «пай-мальчики», лишь незначительное количество ребят ведут себя непослушно. В любом случае, при усвоении ребенком адекватного гендерного поведения родители ребенка, преподаватели и другие взрослые отмечают, что он стал более социален. Они замечают уменьшение истерик, эмоциональных вспышек и замкнутости.

7. *Улучшение отношений с отцом.* Родители сообщают, что сын тянется к отцу, хочет быть рядом с ним и радуется его обществу.

8. *«Он рад, что он мальчик».* Родители чувствуют, что их сын горд тем, что он мальчик — делать то же, что все мальчишки, и делать хорошо. Это приносит ему чувство удовлетворения оттого, что он один из парней. Доктор Джордж Рекерс описывает результаты лечения более чем пятидесяти детей с РГИ, у которых были достигнуты стойкие перемены в гендерной идентичности. Рекерс убежден, что профилактическая терапия помогает предотвратить формирование трансвестизма, транссексуальности, и некоторых форм гомосексуальности³.

Доктора Цукер и Брэдли также полагают, что терапия РГИ может быть успешной:

По нашему опыту, значительное число детей и их семей достигают больших изменений. Мы имеем в виду те случаи, когда проблемы РГИ были решены полностью, и ничто в детском поведении или фантазиях не дает повода предлагать, что вопросы гендерной идентичности все еще составляют проблему...

Учитывая все факторы, мы придерживаемся позиции, что клиницист должен быть настроен оптимистично, а не отрицать возможность помочь детям достичь уверенности в их гендерной идентичности⁴.

Другие исследователи, которые сообщают об успехе работы с феминными мальчиками, говорят, что эффективная терапия помогает детям понять причины их кросс-гендерного поведения и укрепляет признаки развития мужественности. Их подход, как и наш, предполагает наличие терапевта, одного с ребенком пола, который будет требовать помощи отца ребенка. Они также привлекают к терапии семью ребенка и группу сверстников.

Проходя процесс изменений

Мы хотим поделиться результатами терапии детей с гендерными проблемами, приведя расшифровки стенограмм нескольких подлинных случаев. Эти случаи не были выбраны по принципу успешности, они представляют довольно типичные примеры семей, которые сталкивались как с ощутимым успехом, так и с разочарованиями. Все приведенные примеры касаются мальчиков, гендерное нарушение которых было настолько явно, что вызывало беспокойство родителей.

Мы надеемся, что по мере прочтения вы сможете сравнить состояние вашего сына и его успехи. Все эти мальчики были приведены в мой кабинет по причине гендерного расстройства. Их родители возвратились для посттерапевтической диагностики спустя несколько лет после завершения лечения.

Помните, что цель лечения состоит в том, чтобы уменьшить ощущения мальчика, что он отличается от других мальчиков или хуже них. Это максимально повышает возможность развития нормальной гетеросексуальной ориентации, хотя о ней можно будет судить лишь спустя одно-два десятилетия спустя.

«Томми»: продолжающаяся потребность в повышении самооценки

Ниже приведена расшифровка стенограммы беседы с матерью сына с гендерными проблемами, проведенной спустя несколько лет после завершения терапии. Этот мальчик смог во многом избавиться от женственных манер и чувствует себя намного лучше. Трудности во взаимодействии с самооценкой по-прежнему тормозят его, поскольку Томми все еще позволяет себе играть пассивную роль как в отношениях с мальчиками, так и с девочками.

Доктор Н.: В последний раз вы были в этом кабинете четыре года назад. Как дела у вашего сына сейчас?

Мать: В целом, намного лучше. Томми менее подвержен перепадам настроения, и его уже нельзя назвать женственным.

Доктор Н.: А что насчет популярности вашего сына среди других мальчиков?

Мать: К сожалению, здесь мало что изменилось.

Доктор Н.: Она не увеличилась?

Мать: Нет. Проблема в том, что он разочаровался в некоторых детях, с которыми пробовал подружиться, когда они не ответили ему. Он просто перестал им звонить и общаться с ними в школе. У него есть такая привычка — отступаться, когда он сталкивается с разочарованием, препятствием.

Доктор Н.: У него есть близкие друзья?

Мать: Марианн, девочка с нашей улицы. Они по-прежнему хорошие друзья. Слава Богу, уже не так, как раньше, когда они должны были видеть друг друга постоянно.

Доктор Н.: Правильно. Я помню, что, когда он вел себя очень по-девчоночьи, Томми обычно проводил с ней много времени.

Мать: Да. Он позволял Марианн относиться к нему по-матерински и командовать. Он обычно соглашался с такой расстановкой, несмотря на то, что она обращалась с ним, руководила, куда идти и что делать. Тогда я не понимала, что такие отношения не шли ему на пользу.

Доктор Н.: А как у него отношения с ребятами?

Мать: У него есть близкий друг, но я не вижу той близости, которую бы мне хотелось видеть, хотя этот мальчик и считает моего сына своим лучшим другом. Когда они вдвоем, Томми мало говорит. Он очень тихий. Другой мальчик всегда заправляет и говорит: «я лучше».

Очевидно, что, хотя женственность и ушла, Томми все еще нуждается в помощи из-за своей склонности к отношениям, в которых он позволяет собой командовать. Я предложил матери отдать его в клуб или предложить занятие, где он мог бы быть

лидером и помогать младшим ребятам, для роста его уверенности в себе и повышения самооценки. Также могла бы быть полезна терапия с мужчиной-психотерапевтом.

«Тим»: папа стал любимым человеком, с которым можно посоветоваться

С тех пор, как отец Тима осознал, что его сыну с гендерными проблемами необходимо повышенное внимание и стал уделять ему больше времени, мальчик сделал серьезные успехи.

Отец: За минувший год я стал наблюдательным: я стараюсь подмечать, как Тим общается с ровесниками, и мальчиками, и девочками, как ведет себя в разных ситуациях. В их школе была неважная спортивная площадка, и я помогал перестроить трибуны. К многочисленным строительным работам я привлек Тима, других парней, их сыновей, и мне удалось сблизиться с сыном. Мы оба получили удовольствие. Я пробовал делать это и раньше, но Тим не проявлял интереса; я думаю, он не мог избавиться от чувства, что окажется не на высоте.

Мать: Я бы кое-что добавила, Джек. Я думаю, для сына за этим стояло нечто большее. Думаю, Тим активно отвергал тебя и все, что с тобой связано.

Доктор Н.: Это всего лишь защита против чувства неполноценности. Позиция превосходства была маской, за которой он прятал чувство неполноценности.

Отец: Наверное, вы правы. Он думал: «Если я приму папу таким, какой он есть, то я должен принять факт, что не в состоянии соответствовать этому образу. Но теперь я могу стремиться больше походить на него; ведь я могу достичь этого». Теперь в общении сыном я понимаю это все больше. Попробуй я заговорить с ним о тех вещах, что мы обсуждаем сейчас, год назад, он бы ошестинился и закрылся.

Доктор Н.: Это отношение переносится и во взрослую жизнь. Многие геи, — это видно из гей-литературы, — говорят, что гомосексуальность возвышает их над обычными парнями. Они творческие люди, они обладают повышенной восприимчивостью; а среднестатистический парень — обычный трудяга. Но, как это ни парадоксально, в то же самое время, сексуально их влечет именно к тому типу ребят, к которому они испытывают презрение. Это защитная позиция, восходящая к тем болезненным переживаниям детства, с которыми ваш сын боролся среди сверстников. Вы попытались показать, что у него получается, он один из этих ребят.

Отец: Да, именно от этого чувства неполноценности и неспособности вписаться в мир мужчин мы и хотим его защитить. Но прежде Тим не хотел открыться мне. Вероятно, ему казалось, что если он раскроется и покажет, что у него на душе, то снова почувствует стену: «Ну вот, опять! На самом деле им все равно», или «Они же не понимают, что я пытаюсь сказать им».

Мне стало ясно: когда Тим открывается и хочет поговорить, я обязан выслушать его внимательно. Это не время читать журнал или смотреть телевизор, даже если там идет передача, которую очень хочу посмотреть. Лучше бросить все и выслушать, вот что я понял. Если вы немедленно этого не сделаете, он замыкается.

Теперь он приходит ко мне и спрашивает: «Нормально, если я так поступаю?» Другими словами, он спрашивает меня, как вести себя по-мужски. И я, не торопясь, объясняю, почему не стоит вести себя так в кругу приятелей, если он хочет, чтобы ребята в школе хорошо к нему относились. Советую вообще держаться подальше от всяких девчоночьих вещей. И когда я так с ним говорю с ним, то чувствую контакт, читаю в его глазах: «Ладно, папа, я попробую».

Прежде я никогда не говорил с ним начистоту, почему у него такие проблемы с парнями в школе. Теперь я обращаюсь к нему с любовью, как наставник и как отец, и говорю: «Если хочешь жить без ударов и боли, надо усвоить: есть допустимые вещи, а есть недопустимые. Есть поведение, которое принесет тебе лишь страдания».

Я больше не вижу легкомысленной жестикуляции или взбаламошности. Передо мной гораздо более взрослый молодой человек, чем можно было ожидать за такие сроки. Будто берешь книгу, переворачиваешь страницы и можешь сказать только: «Ну и ну!» И прогресс все продолжается.

Конечно, избавление от женственных повадок не главное, но когда он иначе держится, окружающие ребята по-другому ведут себя с ним и постепенно Тим сам начинает воспринимать себя иначе.

«Эван»: попытки отца исцелить взаимоотношения

Сын пришедшего ко мне на беседу отца, Эван, три года назад, в тринадцатилетнем возрасте, вступил в сексуальный контакт с вожатым в летнем лагере.

Доктор Н.: Когда Эван был ребенком, он отличался от других ваших сыновей?

Отец: Без сомнения. Я очень рано заметил, какие игрушки Эван выбирает. И он был очень экспрессивным ребенком, очень общительным и эмоциональным. Мы считали его творческим и чувствительным. Когда он стал постарше, мы начали замечать тяготение к вещам, которые в нашей культуре не считаются мужским.

Доктор Н.: Это вас беспокоило?

Отец: Не то что бы, потому что у нас в семье много творческих людей, и мы просто пытались понять, кем же он вырастет. Я никогда не считал, что мой сын должен быть мужественным или даже особенно спортивным. Лишь намного позже, когда мы увидели интерес к гей-вещам, который у него развивался по мере приближения к половой зрелости, я понял, что с таким сыном нужно было вести себя иначе.

Доктор Н.: Что бы вы сделали по-другому?

Отец: Мне не стоило быть таким строгим и придирчивым в мелочах. Его нельзя было вынудить делать что-то так, а не иначе, даже когда он был дошкольником. Эван по-настоящему расстраивался, когда его критиковали. Остальных моих сыновей это не задевало, а он переживал. Так между нами и появилась трещина, которая много лет мешала нашим отношениям.

Стыдно, что мне потребовалось столько лет, чтобы понять: мой сын не выносит обращения «соберись, не раскисай». Эвану больше чем другим требовалось видеть, что его папа отзывчив, умеет плакать, может выслушать и сказать: «Давай поговорим, что ты чувствуешь» вместо «Так, а ну-ка давай поговорим! Живо!».

Доктор Н.: Чего вы желаете для своего сына?

Отец: Больше всего, я надеюсь, что в душе у него будет мир, что он научится радоваться тому, кто он. Какое бы смятение и дискомфорт он ни чувствовал сейчас, я надеюсь, что он будет здоров. И так как наша семья — христиане, я также надеюсь, что он поймет волю Божию относительно своей жизни.

Доктор Н.: А что, если однажды он придет к вам и скажет: «Мама, папа. Я пробовал измениться. Я не смог, и я гей». Как бы вы тогда поступили?

Отец: Мне было бы очень больно это услышать, но я все равно буду любить его, о чем речь.

Доктор Н.: Вы бы продолжили поддерживать отношения?

Отец: Естественно. Как я могу их прервать? Это же наш сын.

Доктор Н.: Точно. Наши дети всегда остаются нашими детьми.

Отец: В последнее время мы не раз плакали вместе, и Эван изливал мне душу. Он рассказывал, что с ним творится. Слушая его, я обнаружил, что многие вещи, которые я делал из любви, он воспринимал совершенно иначе. Эван интерпретировал их как критику.

Доктор Н.: Что стало для вас сигналом проблемы?

Отец: Когда Эван стал подростком, я видел, что он страдает. Он считал себя непривлекательным и видел в себе только недостатки. Он себе не нравился. Потом произошел тот сексуальный инцидент с наставником из лагеря, который стал действительно тревожным вызовом. Сближаясь с сыном, я видел, как трудно убедить его, что я действительно любил его и интересовался его жизнью. Казалось, ему трудно в это поверить.

Доктор Н.: Он не мог принять то, что вы говорили?

Отец: Да, и мы плакали вместе довольно много раз.

Доктор Н.: Представляю, как это тяжело.

Отец: Так больно услышать, с чем же борется ваш сын. Ужасно жаль, что нельзя убрать всю боль, плохие воспоминания, ошибки, на которые вам указали сейчас, а можно лишь изглаживать их из памяти.

Доктор Н.: Есть очень многое, о чем *каждый из нас* как родитель хотел бы забыть, правда?

Отец: Сейчас мы с Эваном можем говорить об этом, особенно, когда он унывает и ему плохо. Теперь, в большинстве случаев, я не даю советов и не пытаюсь решить проблему. Я просто слушаю и позволяю ему выплескивать на меня свои чувства или гнев, и если он злится на меня, я не защищаюсь.

Доктор Н.: Какой совет вы бы дали отцам подростков?

Отец: Нам повезло, что наш сын не хочет быть геем. Это многое меняет. Но это сейчас, спустя несколько лет после того сексуального инцидента, и мы понимаем, что это быстро не исправишь.

Доктор Н.: Ничто не изменяется мгновенно.

Отец: Будут моменты, когда вы скажете: «Ничего не помогает; он не меняется», и моменты, когда вы уверены, что проблема полностью решена. В такие дни вы говорите себе: *«Это работает, слава Богу! Мой ребенок будет гетеросексуалом!»* Так что, я сказал бы родителям: «Знайте, это будет долгий путь, и ситуация может стать еще более болезненной прежде, чем пойдет на лад».

Оглядываясь назад, я вижу, что дело не просто в исправлении манер. Это не сводится к «я не желаю, чтобы Эван так ходил» или «не хочу, чтобы он так взмахивал рукой».

Доктор Н.: Конечно. Вопрос значительно глубже, чем манера поведения.

Отец: По сути, вопрос в том, чтобы Эван был счастлив, наконец почувствовал себя комфортно, в мире с самим собой. Он сознает, перед каким выбором стоит и не хочет быть геем. Наши с ним отношения значительно улучшились. Полагаю, теперь мы можем быть уверены, что сделали все возможное для закладки правильного основания.

«Саймон»: безразличный отец

Саймон, спустя пять лет после того, как его родители начали что-то делать, также избавился от женственных манер. Его мать говорит, что он хорошо учится, стал взрослее. Он уже не столь подвержен перепадам настроения, и его гендерные проблемы остались позади. Однако папа Саймона пустил все на самотек, и, как в случае Томми, у мальчика остаются сложности с уверенностью в себе.

Доктор Н.: Миссис Мартин, сколько сейчас вашему сыну?

Мать: Двенадцать.

Доктор Н.: Вы считаете, он стал менее женственным?

Мать: Абсолютно верно. Я вообще не замечаю в нем женственности. Когда он был младше, то была такая склонность в одежде, манерность, увлечение танцами. Пытаюсь вспомнить, это было так давно.

Доктор Н.: Хорошо. А как обстоят дела с уверенностью в себе?

Мать: Он не слишком напористый, это не в его характере, но у него внимательные тренеры, которые подбадривают его, могут вдохнуть в него уверенность, помочь утвердиться. Я старалась подбирать ему тренеров и даже команду для занятий.

Доктор Н.: Как считаете, уменьшились ли у Саймона тревожность и депрессия?

Мать: Без сомнения. Больше я их не замечала.

Доктор Н.: А что было прежде?

Мать: Помню, несколько лет назад тревожность была очевидной. Особенно явной она становилась, когда он шёл на занятия, где присутствовали и мальчики, и девочки. Именно тогда я впервые и заметила, что у него сложности в общении с другими детьми. Он плакал, был неуверенным. Он хотел остаться дома со мной.

Доктор Н.: Он более уверен в себе, чем тогда?

Мать: Я точно знаю, что мой сын уверен в определенных областях. Например, в учебе он опережает других детей. Ему только что выдали табель успеваемости, и по большинству предметов у него высший балл. Учеба ему легко дается. Я не вижу больше ребячества, хотя время от времени у него проскальзывают ребяческие интонации и приходится напоминать ему об этом. Для своего уровня развития он очень ответственный и внимательный, никогда не опаздывает, когда мы идем куда-нибудь.

Доктор Н.: Я не помню, чтобы у Саймона были какие-либо поведенческие проблемы. Что-нибудь изменилось с тех пор?

Мать: Он всегда вел себя хорошо. Он очень умный и спокойный. Там, где другие будут хулиганить, Саймон сосредоточится и будет впитывать знания.

Доктор Н. Как обстоят дела с друзьями?

Мать: Многие мальчики звонят ему и спрашивают, как решить домашнее задание, так что я знаю, что он общается с другими мальчишками и что его любят. Но я лично думаю, что его внутренний настрой указывает на то, что у него нет высокой самооценки. Хотя его и любят, полагаю, он будет одиночкой, даже при том, что он обедает с мальчиками и участвует в спортивных состязаниях. Он не слишком спортивный, но он справляется вполне хорошо. Тренер говорит, что он все понимает, поэтому со временем все у него встанет на свое место.

Доктор Н.: Какие у Саймона отношения с отцом?

Мать: Не очень. Мой муж так ничему и не научился. Он орет на него, и я вижу, что это задевает самолюбие Саймона. После этого сын уходит к себе в комнату и избегает отца в течение многих дней. Мужу следовало бы понять, что это проблема, но он этого не замечает. Ему не хватает ума, или сострадания, или еще чего-то.

Доктор Н.: Он это замечает? Он понимает, что это ненормально?

Мать: Нет, не думаю.

Доктор Н.: То есть, он даже не замечает проблемы... Позвольте уточнить: иногда отец ругает его, и Саймон в ответ уходит и долгое время избегает отца. А отец не замечает этого или, по какой-то причине, не хочет приложить усилия и наладить контакт с мальчиком?

Мать: Да. Я считаю это нехваткой сострадания. Мой первый инстинкт, как матери, — защитить своих детей. Именно поэтому у нас были проблемы в браке. Сейчас я больше не тружусь напоминать моему мужу. Мне больно видеть сына в таком состоянии, и я больше не хочу разбираться с мужем по поводу Саймона. Мы уже ругались из-за этого, и это нанесло ущерб нашему браку.

Доктор Н.: Если бы Вы не побуждали его — то...

Мать: То мы бы все просидели дома весь остаток жизни, ничего не делая. Единственное, что муж делает вместе с детьми, — смотрит телевизор, — причем смотрит то, что *он сам* хочет. Мой муж как эгоистичный ребенок.

Мать Саймона делала для сына все, что могла, но мальчику по-прежнему нужен образец для подражания, и мы надеемся, что место отца займет кто-нибудь из родственников.

«Брайен»: любовь и внимание папы приносят результат

По наблюдениям родителей Брайена, мальчик просто расцветает, когда отец о нем не забывает. И главный ключ к успеху — постоянство.

Доктор Н.: Миссис Джонс, сколько лет сейчас Брайену? Прошло четыре года с момента вашего последнего визита.

Мать: Ему сейчас десять.

Доктор Н.: Как вы оцениваете, он стал менее женственным? Произошли какие-нибудь изменения?

Мать: Да, и большие. У него еще сохраняются некоторые женские жесты. Из четырех моих сыновей он самый женственный; однако, он больше не ведет себя «как девчонка». Как мы говорим, «ведет себя как мальчик», «быть нормальным». Я думаю, что он все еще немного с этим борется, — жесты, движения. Порой мы еще должны напоминать ему об этом. Но я замечаю, что его поведение намного более адекватно, и так уже несколько лет.

Доктор Н.: Как вы считаете, что он изменяется, потому что он знает, что иначе ему грозит неодобрение, или потому что действительно утратил интерес к прежнему поведению?

Мать: Я не вижу ничего неуместного. Он ведет себя совершенно нормально, даже когда нас нет рядом, я слежу за этим несколько лет.

Доктор Н.: То есть, вы считаете, женственное поведение существенно уменьшилось.

Мать: Да, намного.

Доктор Н.: Как вы оцениваете уровень его самооценки? Я помню, что у него были проблемы с низкой самооценкой.

Мать: Думаю, с этим он будет бороться всю жизнь. Я вижу, что она постепенно повышается, но для него это очень трудная битва. Иногда он приходит и говорит мне: «думаю, что я становлюсь популярным» или «думаю, я мог бы еще с кем-нибудь подружиться». Я часто такое слышу. Он как бы сам себя подбадривает, тогда как трое других моих сыновей никогда не подвергали сомнению свою популярность.

Доктор Н.: Что с его беспокойством и депрессией? Это было для Брайена серьезной проблемой, особенно депрессия.

Мать: Она почти пошла.

Доктор Н.: Правда?

Мать: Я сказала бы, что в течение прошлого года вообще почти не замечала ее. Он все еще подвержен перепадам настроения. Но я понимаю, что он просто впечатлительный ребенок. Он интроверт, поглощен своими мыслями и любит обсуждать свои чувства со мной, а не с папой. Но депрессии нет. Я не вижу ничего подобного. Я бы сказала, что он вполне счастлив.

Доктор Н.: Отлично. Давайте поговорим о дружбе Брайена с ребятами. Как дела с этим?

Мать: Он все еще переживает по поводу друзей и отношений. С тех пор, как мы с вами виделись, я, чтобы помочь Брайену, стала лидером скаутов, что давало возможность, по крайней мере, раз в неделю приглашать в дом группу из десяти мальчишек.

Доктор Н.: Вы действительно это сделали?

Мать: Да, и продолжаю до сих пор, так что у нас в доме постоянно мальчишки.

Доктор Н.: Он общается с ними?

Мать: Вначале, когда я начала вести бойскаутскую группу, нет, но теперь общается. Я начала вести ее, когда ему только исполнилось восемь, и должна сказать, он немного дичился. Теперь он не в моем отряде, но помогает мне заниматься с десятью другими мальчиками, которые приходят к нам, и чувствует себя вполне в своей тарелке.

Но я все еще вижу у него комплексы по поводу популярности. Последние пару лет он очень старался завести друзей в школе. Он прибежал домой взволнованный и говорил: «У меня появился новый друг!» Ему постоянно звонят другие мальчики, и преподаватель говорит, что он весьма популярен в школе. Но кажется, ему все равно трудно в это поверить.

В прошлом учебном году мы отдали его в футбольную секцию и он ненавидел футбол. Так что мы разрешили ему прекратить занятия. Но недавно он спросил, можно ли ему играть в теннис и пойти в теннисную команду. Мы сказали ему «конечно». Он впервые попросил о чем-то подобном. Но я не хочу сказать, что он неспортивный. У него совсем не девчоночье отношение к своему телу.

Доктор Н.: Хорошо, можно сказать, прогресс налицо. А как насчет истерик и вспышек гнева, которые у Брайена были раньше?

Мать: Те истерики? Все прошло.

Доктор Н.: Все прошло...

Мать: Это был ужасный период моей жизни, ужасные четыре года. Читая свои записи, сделанные в то время, я не могу поверить, как далеко мы ушли. В нашей семье царил полный хаос. А сейчас это все уходит в прошлое.

Доктор Н.: Я считаю, что ведение дневника очень полезно, так родители могут отслеживать изменения. Поскольку мы живем текущим днем, от нас ускользает общая картина. Ведение дневника дает родителям возможность увидеть результаты своих усилий.

Мать: Это правда. Вспоминая о том периоде жизни с Брайеном, когда ему было от двух до шести лет, могу честно сказать: то был настоящий кошмар. Я и мечтать не могла, что когда-нибудь он будет столь нормален, как сейчас. Правда, я не надеялась, что он когда-нибудь будет в состоянии вписаться в общество и прочее.

Доктор Н.: Отец продолжает помогать?

Мать: Да, пока я продолжаю тыкать его, когда он забывает. Билл забывает, но когда я напоминаю ему, он не сердится, потому что он знает, что это важно.

Доктор Н.: Он часто поправляет Брайена?

Мать: Не так часто, как, по моему мнению, нужно, мы с Биллом уже ругались из-за этого.

Доктор Н.: А Билл не замечает те проявления манерности, которые видите вы? Или он замечает, но не видит связи между ними и своим участием в жизни Брайена?

Мать: Только если это прямо у него под носом и совсем уж очевидно.

Доктор Н.: Брайен тянется к отцу?

Мать: Да. Я замечаю, что он намного более открыт с папой после того, как они провели время вместе. Другими словами, если Билл и Брайен проводят время вместе, то Брайен к нему льнет. Мы оба это замечаем.

Доктор Н.: Это типично. У Брайена существует подсознательный негативный образ отца и мужественности, которую тот олицетворяет. Но после тёплого общения с отцом, внутренний образ «плохого» или «незначительного папы» замещается «хорошим папой». Его непосредственный опыт вступает в конфликт с образом, скрытым в подсознании.

Мать: Я говорю Биллу, что он для Брайена как «инъекция». Точнее не скажешь. Билл делает Брайену «инъекцию» внимания, и два—три дня Брайен не отходит от отца. Но потом, если Билл ослабляет внимание, это проходит. Сейчас Брайен не так нуждается в подобных инъекциях, ему достаточно, чтобы его ежедневно потрепали по плечу, обняли за шею. В таком духе.

Доктор Н.: Точно. Именно так это и происходит. И Вы видите связь между женоподобным поведением и инъекцией внимания и любви отца?

Мать: Да, очень. Как по волшебству. Трудно объяснить это кому-то постороннему.

«Рикки»: свыкаясь с мужественностью

Девятилетний Рикки за последние несколько лет сделал существенные успехи. Его отец продолжает активно им заниматься, у Рикки неплохие отношения с братом, и он хорошо понимает гендерные различия.

Доктор Н.: Миссис Смит, вы считаете, что женственность Рикки уменьшилась по сравнению с тем, что было раньше?

Мать: Совершенно верно. Я сказала бы, от проблемы осталась какие-то пара процентов.

Доктор Н.: Отец принимал активное участие в жизни Рикки?

Мать: Да.

Доктор Н.: Он не охладел к этому?

Мать: Нет. Он стал намного ответственнее. Если он иногда и забывает, то очень быстро спохватывается. Стоит намекнуть, и он немедленно меняет поведение. Раньше он болтал попусту, уклоняясь от ответственности. Но сейчас мой муж проявляет озабоченность всякий раз, когда он забывает о Рикки, или воспринимает мои замечания без проблем.

Доктор Н.: Это чрезвычайно важно. Вы знаете, я работаю со многими родителями, и больше энтузиазма всегда проявляют матери. Большинство отцов требуется побуждать к участию. И сыновья, которые добиваются большего успеха, — всегда те, чьи отцы действительно проявляют участие.

Как его самооценка? Рикки воспринимает себя лучше?

Мать: Трудно сказать, потому что мы не столкнулись ни с какими проблемами. Я могу только сказать, что манерность и женственность остались в прошлом. Мы стали приучать его к мужским занятиям, а сейчас водим на плавание. Ему очень нравится, и его старший брат тоже занимается плаванием. Это интересно, потому что я не люблю плавать, и бейсбол не люблю. На самом деле, бейсбол я терпеть не могу! Но он смотрит его с его братом по телевизору, и они активно болеют.

Доктор Н.: А его отец интересуется бейсболом?

Мать: Не очень.

Доктор Н.: То есть, братья вдвоем смотрят бейсбол.

Мать: Мальчики смотрят бейсбол и как-то умудряются между делом сделать домашнее задание по математике. Уж не знаю, как им это удастся. Они читают вместе: сидят за кухонным столом, мой муж читает что-то свое, Рикки читает свое.

Доктор Н.: Вы можете сказать, что он повзрослел?

Мать: Пожалуй. Раньше он вел себя более ребячески. Много изменилось. Сегодня утром я была на открытом уроке. Он не отличался от остальных детей. Он не баловался как некоторые, и проявлял любознательность, которой раньше не было. Он хочет знать, он хочет понять. Так что, думаю, он повзрослел. Но мне жаль, что я не вижу более тесной дружбы с мальчиками.

Доктор Н.: А тревожность или депрессии? Вы что-то подобное замечаете?

Мать: Иногда он бывает угрюмым. Но это уже не та полная подавленность, когда он бросался на кровать и рыдал. Ничего такого. Этого мы больше не допускаем.

Доктор Н.: Он впадает в депрессию, как раньше? Бывает грустным или замкнутым?

Мать: Не так, как раньше. Если такое случается, то обычно не беспричинно. Из-за кого-то или чего-то конкретного. Теперь он об этом рассказывает.

Доктор Н.: С братом у него все хорошо?

Мать: Их отношения наладились. Они вместе ходят на плавание и больше времени проводят вместе. Каждый день тренируются вместе в нашем бассейне. Джон может иногда обижать и задирать Рикки. Но Джон уже достаточно взрослый, так что я могу указать ему на его поведение, и он понимает, что должен вести себя с братом по-другому.

Доктор Н.: Рикки когда-либо говорит о том, чтобы быть мальчиком? Он когда-нибудь говорит о различиях между мальчиками и девочками?

Мать: Да, например, плавание. Буквально вчера ко мне в клубе подошли и спросили, не собираюсь ли я отдать на плавание и свою дочь Сью. Рикки присвистнул и сказал: «Нет, плавание не для нее». Я спросила: «Почему, Рикки?» Он сказал: «Ну, она же — девочка. Я не хочу, чтобы она занималась плаванием с нами».

«Филипп»: возрастая в самопонимании при поддержке отца

Отец Филиппа, Хулио, был в своем городке известным школьным тренером по футболу. В их семье четыре мальчика, родители придерживаются строгих католических ценностей. Филипп был всегда более нежным мальчиком; с очень раннего возраста он рос молчаливым, замкнутым, и держался особняком от братьев. К одиннадцати годам он так и не нашел в школе настоящих друзей, сильно увлекся театром и актерским мастерством.

Когда Филипп перешел в среднюю школу, он стал очень необщительным, часто находился в подавленном настроении. Мать застала его за загрузкой гей-порно из Интернета и договорилась о встрече со мной.

Хулио любил всех своих сыновей, но его работа, из-за которой он часто пропадал вечерами и по выходным на футбольных матчах и тренировках, не позволяла ему много бывать дома. Трое другие сыновей Хулио пошли по стопам отца, так что постоянно были в его обществе, но Филипп, чьи интересы были далеки от спорта, оказался на обочине. Местный успех отца как тренера высоко поднял планку в их большой разветвленной семье со множеством дядей и кузенов, и ожидалось, что его сыновья, Филипп в том числе, будут соответствовать этому высокому стандарту.

После трех лет терапии, главным образом, благодаря усилиям отца, Филипп добился очень большого прогресса. Ему было восемнадцать, и он уже учился в колледже. Вот наша с ним беседа.

Доктор Н.: Филипп, как у тебя сейчас с мужской дружбой?

Филипп: Намного лучше.

Доктор Н.: Что изменилось?

Филипп: Думаю, я смог понять: все это время у меня *была* мужская дружба, но я не позволял себе в это поверить.

Доктор Н.: Не позволял?

Филипп: Тогда я, правда, не понимал, что такое мужская дружба. Я ожидал от нее большей эмоциональности. А о себе был довольно невысокого мнения. Теперь я понимаю, что у меня всегда была мужская дружба, но я не позволял себе поверить этому.

Из-за своих эмоциональных потребностей и изоляции, Филипп возлагал на мужскую дружбу нереалистичные ожидания. Он ждал от нее безоговорочной близости, которая компенсирует его ощущения, что как мужчина он не соответствует общепринятым требованиям. Он смог признать, что хорошие друзья у него были и они были открыты к нему, но здоровой мужской дружбе не свойственны глубокая эмоциональная зависимость и романтизм, а тем более эротизм.

Филипп: Оглядываясь назад, я вижу, что рядом со мной были парни, но я сам закрывался от них. Но в то время я не замечал этих возможностей. Я не был готов их увидеть.

Доктор Н.: Ты был одинок, поскольку всегда думал: этот парень никогда не будет со мной дружить.

Боязнь отвержения и чувство собственной никчемности толкали его к защитному отделению.

Филипп: я чувствовал, что отличаюсь от других ребят. Не знаю... То, как я говорил, моё чувство юмора, — очень многое отличалось, так мне казалось.

Доктор Н.: Сейчас ты чувствуешь себя одним из них?

Филипп: Определенно.

Доктор Н.: Где ты видишь себя, скажем, лет через десять? Ты представляешь себя когда-нибудь в будущем частью гей-мира?

Филипп: Я никогда не был своим в гей-среде. Я знаю, что не родился геем. Я смотрю на них как на несчастных людей, которые искренне верят, что у них нет выбора. Поэтому мне их жалко.

Доктор Н.: То есть, это не для тебя?

Филипп: Точно. В любом случае, мои моральные принципы мне бы этого не позволили.

Доктор Н.: Как ты бы описал свои жизненные перспективы?

Филипп: Намного лучше. Я знаю, что у меня есть цель, которую нужно достигнуть, задача, которую предстоит решить. Я смотрю в будущее с оптимизмом, хотя знаю, что это будет долгий путь.

Доктор Н.: Как — Как твои отношения с отцом?

Филипп: Мы с папой сильно сблизились за последние пять лет.

Рекомендации родителям

Возможно, теперь вы лучше видите, в чем нуждается ваш ребенок, и вы приняли решение вмешаться и скорректировать его поведение, чтобы оно более соответствовало полу. Подводя итог нашему краткому обзору процесса терапии, изложим четыре основных принципа, которые могут оказаться вам полезными:

1. Чтобы достичь адекватного гендерного поведения ребенка и укрепить его, всегда помните: *похвала эффективнее наказания*. Если вы хотите убрать преувеличенно женственное (а у девочки — преувеличенно мальчишеское) поведение, эффективнее всего регулярно и отчетливо выражать свое неодобрение, но избегать карательных мер. Другими словами, мягко поправьте ребенка, но не наказывайте его. С другой стороны, если вы смотрите на гендерно-несоответствующее поведение сквозь пальцы или просто нерегулярно порицаете его, у ребенка складывается ложное впечатление, что все нормально.

2. Если вы чувствуете, что слишком давите на ребенка, смягчите свои требования. Будьте терпеливы. Хвалите даже за малые усилия. Лучше *требовать меньше, но последовательно*, чем больше, но нерегулярно.

3. Если есть такая возможность, *работайте с психотерапевтом*, которому вы доверяете. Этот специалист должен разделять ваши воззрения на пол и цели терапии, помогать вам беспристрастной оценкой ваших действий и советом.

4. Помните, что ваш сын или дочь не будут чувствовать себя безопасно, отказываясь от кросс-гендерного поведения, если рядом с ними нет близкого человека их пола, способного служить позитивной ролевой моделью для правильной гендерной идентификации. *Ребенку требуется иметь перед глазами пример того, что быть мужчиной или женщиной — привлекательно и желанно*.

Думаю, что вы согласитесь, что в жизни каждого из мальчиков с типичными гендерными проблемами, чьи истории рассказаны выше, были достигнуты значительные успехи. Хотя необходимо и дальше работать над некоторыми сферами, родители, которых я курировал до завершения терапии, собираются и дальше содействовать возмужанию своих сыновей.

В следующей главе вы прочтете о других ребятах, чьи родители продолжали упорно работать над их гендерной самооценкой. Вы узнаете, через что они проходили, как противостояли трудностям и каких результатов добились.

¹ Dr. Rekers, letter to Dr. Nicolosi, October 26, 2001.

² G. Remafedi, J. Farrow and R. Deisher, "Risk Factors for Attempted Suicide in Gay and Bisexual Youth," *Pediatrics* 87, no. 6 (1991): 869-75.

³ George Rekers, ed., *Handbook of Child and Adolescent Sexual Problems* (New York: Lexington, 1995).

⁴ Kenneth Zucker and Susan Bradley, *Gender Identity Disorder and Psychosexual Problems in Children and Adolescents* (New York: Guilford, 1995), p. 282.